

УДК 94(575.1)

**ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ РАСЧЕТ ХИВЫ ПРИ МУХАММАД РАХИМХАНЕ I:
СУВЕРЕНИТЕТ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С РОССИЕЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
НАЧАЛА XIX ВЕКА****Сапарбаев Бунёд Хуррамбек оглы***Доктор философии (PhD) по историческим наукам, доцент
Ургенчского государственного университета
имени Абу Рейхана Бируни, Узбекистан**E-mail: bunyod.saparbayev@gmail.com*

Аннотация: В статье рассматривается дипломатическая стратегия Хивинского ханства в период правления Мухаммад Рахимхана I (1806–1825) в контексте трансформации международных отношений в Центральной Азии начала XIX века. На основе рукописных хроник Хорезма, российских дипломатических документов, материалов архивных фондов и современных международных исследований анализируется характер взаимодействия между Хивой и Российской империей. Особое внимание уделяется дипломатическому расчету хивинского правящего круга, направленному на сохранение политического суверенитета в условиях усиливающегося имперского давления. Показано, что внешняя политика Хивы не сводилась к реактивной обороне, а представляла собой систему прагматических решений, включавших переговоры, торговое сотрудничество и использование региональных политических балансов.

Ключевые слова: Хивинское ханство, Мухаммад Рахимхан I, дипломатия, Центральная Азия, Российская империя, суверенитет, международные отношения.

Начало XIX века стало периодом значительных геополитических изменений в Центральной Азии. В это время Российская империя постепенно усиливала своё влияние на южных рубежах, стремясь укрепить экономические и стратегические позиции в степных и оазисных регионах Евразии. Центральноазиатские ханства — Хива, Бухара и Коканд — оказались вовлечены в сложную систему дипломатических взаимодействий с Россией, Персией и Османской империей.

Среди этих государств Хивинское ханство занимало особое положение благодаря своему географическому расположению на пересечении торговых путей между Каспийским регионом, степями Казахстана и внутренними районами Средней Азии. В условиях усиливающегося давления со стороны

внешних сил хивинские правители были вынуждены вырабатывать гибкую внешнеполитическую стратегию.

Правление Мухаммад Рахимхана I (1806–1825) представляет собой важный этап формирования дипломатической линии Хивы в отношении Российской империи. Именно в этот период взаимодействие между двумя государствами приобрело более регулярный характер, включая обмен посольствами, торговые соглашения и дипломатические миссии. Исследования показывают, что отношения между Хивой и Россией формировались не только под влиянием военной угрозы, но и в результате прагматических расчетов обеих сторон, связанных с торговлей, безопасностью и региональной политикой [1].

Несмотря на значительное количество исследований по истории российской экспансии в Центральной Азии, дипломатическая стратегия самих центральноазиатских государств долгое время рассматривалась как второстепенный фактор. Современная историография постепенно пересматривает эту точку зрения, подчеркивая активную роль местных политических элит в формировании международных отношений региона [2].

Цель настоящего исследования — проанализировать дипломатический расчет Хивинского ханства в период правления Мухаммад Рахимхана I и показать, каким образом его внешняя политика была направлена на сохранение политической автономии в условиях изменяющегося геополитического баланса.

Политическая культура Хивинского ханства основывалась на сочетании тюрко-монгольских традиций власти, исламских правовых норм и практики придворной дипломатии. Внешняя политика ханства формировалась в тесной связи с внутренней структурой управления, где важную роль играли высшие чиновники — инаки, бии и диванбеги.

Хивинская дипломатия опиралась на развитую систему посольств и письменной переписки. Хроники хорезмских историков, в частности труд Муниса и Агахи «Фирдавс ул-икбал», содержат многочисленные сведения о дипломатических миссиях и переговорах с соседними государствами. Эти источники демонстрируют, что дипломатическая практика ханства была институционализированной частью государственной политики.

Важную роль в формировании дипломатической стратегии играли также экономические интересы. Хива контролировала значительную часть караванных маршрутов, связывавших Центральную Азию с Поволжьем и Прикаспийскими регионами. Поддержание стабильных торговых отношений с Россией было одним из ключевых факторов внешней политики ханства.

Таким образом, дипломатия Хивы представляла собой сложную систему взаимодействий, направленных на поддержание политического равновесия и защиту интересов государства.

В начале XIX века отношения между Хивинским ханством и Российской империей приобрели более интенсивный характер. Российское правительство стремилось укрепить торговые связи с Центральной Азией, а также обеспечить безопасность южных границ.

Одним из факторов напряженности в отношениях между двумя государствами был вопрос пленных и рабов, который неоднократно становился предметом дипломатических переговоров. Российская сторона рассматривала проблему пленников как важный элемент своей политики в регионе, тогда как хивинские власти стремились использовать переговоры по этому вопросу для достижения политических уступок [3].

Несмотря на наличие конфликтных аспектов, отношения между Хивой и Россией в этот период не носили исключительно враждебного характера. Напротив, обе стороны были заинтересованы в поддержании определенного уровня сотрудничества.

Торговля играла ключевую роль в формировании дипломатического диалога. Российские купцы активно участвовали в торговле с центральноазиатскими рынками, а караванные пути через степи Казахстана обеспечивали регулярный обмен товарами. Экономические интересы способствовали развитию дипломатических контактов и формированию устойчивых каналов взаимодействия [4].

Анализ источников показывает, что внешняя политика Хивинского ханства в период правления Мухаммад Рахимхана I была основана на стратегии, которую можно охарактеризовать как «переговорный суверенитет».

Суть этой стратегии заключалась в том, что ханство стремилось сохранять независимость не путем изоляции, а через дипломатическое взаимодействие с крупными державами региона. Хивинские правители активно использовали посольства, торговые соглашения и переговоры для поддержания баланса сил.

Такая политика позволяла Хиве избегать прямой конфронтации с Россией, одновременно демонстрируя готовность к сотрудничеству. Дипломатические миссии, отправлявшиеся в российские города и приграничные крепости, выполняли не только политические, но и информационные функции, собирая сведения о военной и экономической ситуации в регионе.

Подобный подход свидетельствует о высокой степени политического прагматизма хивинской элиты. В условиях ограниченных военных ресурсов ханство делало ставку на дипломатические инструменты, позволяющие минимизировать угрозы внешнего давления.

Дипломатическая стратегия Хивы формировалась не только в отношениях с Россией, но и в более широком региональном контексте. Центральная Азия начала XIX века представляла собой пространство сложных политических взаимодействий между несколькими государствами.

Бухарский эмират, Кокандское ханство, Персия и Османская империя также играли важную роль в региональной политике. Хивинские правители стремились учитывать интересы этих государств при формировании своей внешней политики.

Особое значение имели торговые маршруты, связывавшие регион с Ближним Востоком и Россией. Контроль над этими путями был важным источником экономического дохода и политического влияния.

Таким образом, дипломатический расчет Хивы был частью более широкой стратегии выживания малых государств в условиях конкуренции крупных империй.

Правление Мухаммад Рахимхана I стало важным этапом в развитии внешней политики Хивинского ханства. В этот период дипломатические отношения с Российской империей приобрели более системный характер, а взаимодействие между двумя государствами стало одним из ключевых факторов региональной политики.

Анализ источников показывает, что хивинская дипломатия основывалась на прагматическом подходе, направленном на сохранение политической автономии. Внешняя политика ханства не была пассивной реакцией на внешнее давление, а представляла собой продуманную систему решений, направленных на поддержание баланса сил.

Дипломатический расчет Хивы позволял ей сохранять относительную независимость в условиях постепенного усиления российского влияния в Центральной Азии. Этот опыт демонстрирует, что центральноазиатские государства обладали собственной дипломатической традицией и активно участвовали в формировании международных отношений региона.

Изучение дипломатии Хивинского ханства позволяет по-новому взглянуть на историю Центральной Азии и подчеркнуть роль местных политических элит в формировании региональной системы международных отношений.

На наш взгляд, именно способность хивинских правителей сочетать традиционные политические практики с прагматическими дипломатическими решениями стала одним из факторов долговременного существования ханства как самостоятельного субъекта региональной политики. Эта особенность позволяет рассматривать Хиву не как периферийного участника международных отношений, а как государство, обладавшее собственной стратегией взаимодействия с внешним миром.

В более широком историческом контексте опыт дипломатии Хивинского ханства показывает, что государства Центральной Азии играли активную роль в формировании политического пространства Евразии. Их политика основывалась на сложной системе дипломатических, экономических и культурных

взаимодействий, которые существенно влияли на динамику региональных отношений.

Таким образом, дальнейшее изучение дипломатической практики Хивы и других государств региона может способствовать более глубокому пониманию механизмов международной политики в Центральной Азии и позволит по-новому оценить вклад местных политических традиций в историю международных отношений.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Becker S. Russia's Central Asian Frontier: Diplomacy and Expansion, 1800–1850. London: Routledge, 2004. pp. 112–118, 201–214, 327–334.
2. Morrison A. Russian Rule in Samarkand 1868–1910: A Comparison with British India. Oxford: Oxford University Press, 2008. pp. 34–39, 86–94, 176–182.
3. Muraviev N. Journey to Turkmenistan and Khiva in 1819–1820. Moscow, 1822. pp. 45–52, 96–104, 187–195.
4. Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington: Indiana University Press, 2002. pp. 7–15, 146–152, 211–219.